

Арест и предварительный суд

Вернувшись из очередной поездки в Москву, вечером 13 февраля Бродский отправился в гости к приятелю, композитору Слонимскому, и был арестован на улице около своего дома. В течение суток родители не знали, куда он пропал. В Дзержинском райотделе милиции, где его содержали в одиночной камере, родителям поначалу сказали, что их сына там нет. 14 февраля у него случился в камере сердечный приступ, приехала «скорая помощь», сделали укол, но условия содержания не изменили. Немного поддержал Бродского заместитель начальника Дзержинского райотдела милиции молодой интеллигентный офицер Анатолий Алексеев, университетский товарищ приятеля Бродского, поэта Л. А. Виноградова. Вечером, когда большинство сотрудников расходились по домам, он приводил арестанта к себе в кабинет, поил чаем с бутербродами, говорил: «К сожалению, это все, что я могу для вас сделать». К Алексееву попробовал обратиться за помощью писатель И. М. Меттер. Как автор

193 *СИБ-2*. Т. 2. С. 21-22.

194 «Письма к стене» конкретно локализованы. Кирпичная стена, на которую падает тень лирического героя, это стена тюрьмы «Кресты» на Арсенальной набережной по соседству с заводом и больницей – первыми местами работы Бродского.

195 *Лосев 1982*. С. 68.

популярной повести и сценария кинофильма об отважных милиционерах «Ко мне, Мухтар!», он имел связи в ленинградской милиции. Алексеев сказал ему, что дело безнадежное: «Василий Сергеевич распорядился, суд проштампует – и вся игра»¹⁹⁶. Василий Сергеевич – это был Толстиков, первый секретарь Ленинградского обкома партии.

В Дзержинском районном суде слушание дела Бродского состоялось 18 февраля. И. М. Меттер так описывает свои впечатления: «Не забыть мне никогда в жизни ни этого оскорбительного по своему убожеству зала, ни того срамного судебного заседания... Да какой уж зал! Обшарпанная, со стенами, окрашенными в сортирный цвет, с затоптанным, давно не мытым дощатым полом комната, в которой едва помещались три продолговатых скамьи для публики, а перед ними, на расстоянии метров трех – судейский стол, канцелярский, донельзя поношенный, к нему приставлен в форме буквы Т столик для адвоката, прокурора и секретаря. <...> Нас всех, вместе с подсудимым, окунали в наше ничтожество.

Допущенная в зал публика – Вигдорова, Грудина, Долинина, Эткинд и я легко разместились на первой скамье; на ней же, с краю, поближе к дверям сидели мать и отец Иосифа. На них было больно смотреть. Они не отрывали глаз от двери, она должна была открыться и впустить их сына...

Поразительно для меня было, что этот юноша, которого только теперь я имел возможность подробно разглядеть и наблюдать, да при том еще в обстоятельствах жестоко для него экстремальных, излучал какой-то покой отстраненности – [судья] Савельева не могла ни оскорбить его, ни вывести из себя, он и не пугался ее поминутных грубых окриков. <...> лицо его выражало порой растерянность оттого, что его никак не могут понять, а он в свою очередь тоже не в силах уразуметь эту странную женщину, ее безмотивную злобность; он не в силах объяснить ей даже самые простые, по его мнению, понятия»¹⁹⁷.

Допрос, который вела судья Савельева, был откровенно направлен на то, чтобы сразу же подтвердить обвинение Бродского в тунеядстве.

«Судья : Чем вы занимаетесь?

Бродский : Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

Судья : Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стенам! Смотрите на суд! Отвечайте суду как следует! <...> У вас есть постоянная работа?

Бродский : Я думал, что это постоянная работа.

Судья : Отвечайте точно!

Бродский : Я писал стихи! Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...

Судья : Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

Бродский : Я работал. Я писал стихи.

Судья : Нас это не интересует...»¹⁹⁸

Судья задает Бродскому вопросы по поводу его краткосрочных работ на заводе и в геологических экспедициях, литературных заработков, но лейтмотив допроса – отказ судьи признавать литературную работу Бродского работой и самого Бродского литератором.

«Судья : А вообще какая ваша специальность?

Бродский : Поэт. Поэт-переводчик.

Судья : А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский : Никто. (Без вызова.) А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья : А вы учились этому?

196 Гордин 1989. С. 150.

197 Там же. С. 151.

198 Гордин 2000 С. 181.

Бродский : Чему?

Судья : Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский : Я не думал, что это дается образованием.

Судья : А чем же?

Бродский : Я думаю это... (*растерянно*) от Бога...»¹⁹⁹

С точки зрения формального судопроизводства, которое и в советские времена предполагало состязательность, странным является молчание или даже отсутствие прокурора. Сторону обвинения представляет судья! Это ставило в особо трудное положение защиту, так как защитнику приходилось вступать в спор с судьей. Бродского защищала З. Н. Топорова, опытный и уважаемый в городе адвокат. Аргументы против осуждения ее подзащитного по указу 1961 года были сильные: его даже и не обвиняли в том, что он ведет антиобщественный образ жизни – пьянствует и хулиганит, живет на нетрудовые доходы. Нельзя было обвинить его и в том, что он нигде не работает, не зарабатывает денег. На втором заседании суда между Бродским и «общественным обвинителем» произошел следующий обмен репликами:

«Сорокин : Можно ли жить на те суммы, которые вы зарабатываете?

Бродский : Можно. Находясь в тюрьме, я каждый день расписывался в том, что на меня израсходовано в день 40 копеек. А я зарабатывал больше, чем по сорок копеек в день».

В действительности, если разделить заработки Бродского, о которых суду были представлены справки, на период между его последней экспедицией и арестом, выходит приблизительно 1 рубль в день, на что человек мог кое-как пропитаться в те времена. Получалось, что его обвиняют не в том, что он не работает, а в том, что зарабатывает мало, что его подкармливают родители, но это никак нельзя было квалифицировать как уголовно наказуемое поведение. Все, однако, понимали, что если «Василий Сергеевич распорядился», то советский судья будет выполнять распоряжение, поэтому главный расчет защиты был добиться мягкого наказания тем же способом, каким предполагали спасти Иосифа московские друзья, то есть получить свидетельство о его психической болезни – что взять с душевнобольного? Поэтому в конце первого судебного заседания адвокат ходатайствует о направлении Бродского на медицинское освидетельствование.